

18+

Алексей Готов

**Душистый
кофе для
Лёлика**

Алексей Готов

Душистый кофе для Лёлика

«Издательские решения»

Готов А.

Душистый кофе для Лёлика / А. Готов — «Издательские решения»,

Главный герой — человек, живущий на грани, для которого утренний кофе стал ритуалом перед неизбежным. В его мире есть только надежда, ясность и холодное оружие. Встреча в старом сквере с тем, чья тень тянется из самого детства, — последняя точка в длинной цепи сделок и потерь. Это история о том, как выбор определяет всё, а смерть оказывается не концом, а всего лишь частью плана, который не нуждается в букве «Б». Финал — в каждой глотке и в каждом вздохе, уходящем в небо. Книга содержит нецензурную брань.

© Готов А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Кофеин и надежда	7
Глава 1. Семь утра, душистый кофе	7
Лёлик	7
Глава 2. След как у шакала	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Душистый кофе для Лёлика

Алексей Готов

© Алексей Готов, 2026

ISBN 978-5-0070-7947-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Представьте: дети индиго со вспоротыми животами. Их аккуратно разложили на столах, и в разрезах поблескивают трубки, словно провода от сгоревших игрушек. Или, если вам угодно, команда по кёрлингу — щётки летят в стороны, гранитные снаряды кувыркаются в снегу, а сама команда уже на дне расселины, и кто-то считает очки в последнем энде, где вместо камней — их собственные позвонки. А может, вообразите себе гнойную опухоль в теле гиппопотама — она пульсирует, как второе сердце, и саванна пахнет сырым мясом и антибиотиками.

Я же пока спокойно допиваю свой душистый кофе.

На столе — две чашки. Одна остывает, вторая обжигает пальцы. За окном серое утро, которое не обещает ни дождя, ни солнца, только то самое время — час «Ч», когда сквер за углом наполнится зелёным светом и свинцом. Я смотрю на пенку и вижу в ней лица. Лица тех, кто уже не дышит. Тех, кого я знал, и тех, кого я не успел узнать, но они всё равно оказались на моём пути — как заказанный Лёлик, ссучиный Лёлик, который ждёт меня в четыре.

Но пока я здесь, в кухне, где пахнет молотым зерном и страхом. Страшно, конечно. Пиздец как страшно. Такого страха в школе не проходили — там учили таблицы умножения, а не тому, как за минуту до выстрела держать кружку, чтобы не дрогнула рука. Мне нужны кофеин, надежда, глушитель на ствол, Стечкин под мышкой — и вера. Вера в то, что я успею раньше, чем он увидит мои глаза.

Представьте всё это ещё раз, пока я глотаю последний глоток. Потому что через несколько секунд я встану и пойду. А эти картинки — дети, кёрлинг, гиппопотам — останутся висеть между мной и реальностью, как дым, который рассеивается только перед самым выстрелом.

Часть первая. Кофеин и надежда

Глава 1. Семь утра, душистый кофе

Кофе должен быть чёрным, как смола, и горячим, как ствол после трёх очередей. Я узнал это правило от старого мента, который однажды не досчитал до десяти и теперь покоится где-то под бетонной плитой на окраине. Но кофе он варил правильно. Я перенял этот ритуал, потому что в нашем деле ритуалы — единственное, что остаётся, когда всё остальное превращается в прах.

Семь утра. Я стою у плиты в маленькой кухне, которая пахнет мокрой штукатуркой и старой древесиной. Квартира съёмная, хозяин — мёртвый грузин, который слишком много знал, но я плачу за неё на год вперёд, потому что привык не оставлять следов. Вода закипает. Я засыпаю молотый кофе в медную турку — ту самую, что купил в Стамбуле у слепого старика, который не видел моего лица, но на ощупь определил, что я пришёл не за сувениром. Тогда он сказал: «Ты будешь пить свой последний кофе много раз, сынок». Я рассмеялся и дал ему лишних двадцать долларов. Теперь я понимаю, о чём он говорил.

Я не спешу. На плите шипит, аромат разливается по комнате, смешиваясь с запахом оружейной смазки. Стечкин лежит на столе, разобранный, чистый, смазанный. Я собрал его вчера вечером, когда вернулся от нотариуса. Нотариус — толстый, лысый, с дрожащими руками — подписал бумаги, не глядя мне в глаза. Он знал, что я пришёл не обсуждать проценты. Завещание составлено: дом за границей, счета, немного наличности в банковской ячейке — всё на имя людей, которых я уже никогда не увижу. Семья улетела две недели назад. Жена плакала, но не от грусти — от облегчения. Дети не понимали, что папа остаётся здесь, чтобы они могли жить там. Я сказал им, что уезжаю в командировку. В какой-то степени это была правда.

Я заливаю кипятком в турку, ставлю на медленный огонь и смотрю, как поднимается пена. В пенке я вижу лица. Не свои — чужие. Те, кого я вёл по цепочке, грузил в фургоны, менял на деньги, переправлял через границу. Люди — товар, и я никогда не обманывал себя на этот счёт. Торговля людьми приучает к надежде и ясности, как наркотик приучает к пустоте. Надежда — что сделка пройдёт чисто, ясность — что, если нет, меня никто не спасёт. Я знал это с самого начала, когда ещё торговал сигаретами и поддельными визами. Системное мышление — единственное, что держит нас на плаву. Ты планируешь маршрут, ты знаешь вес, ты знаешь время, ты знаешь ментов, которые берут, и ментов, которые не берут. А ещё ты знаешь, что рано или поздно кто-то из твоих же клиентов решит, что ты стоишь больше мёртвый, чем живой.

Лёлик

Имя всплывает в голове, когда кофе начинает убегать. Я снимаю турку с плиты, разливаю напиток по двум чашкам. Одну — себе, вторую — ему. Точнее, для него — как жест вежливости, хотя он её не выпьет. Лёлик не пьёт кофе, он пьёт кровь. Так говорят те, кто знал его с детства. Педиатр, которую задушили стетоскопом, когда Лёлику было шесть, — это не легенда, это факт. След тянется за ним, как за шакалом, только шакал оставляет после себя кости, а Лёлик — тела. Он валил своих и чужих, вычитал и делил, за ним было не успеть. Но теперь ему нужен я.

Я делаю глоток. Обжигаю язык. Больно — хорошо. Больно — значит, я ещё жив, значит, рецепторы работают, значит, мозг ещё может принимать решения. «Мышление системное», — повторяю я про себя, как мантру. Допить кофе, выйти в сквер, замусолить Лёлика, уйти. План А. План Б у меня нет, и он на хуй не нужен. Адреналин, похуизм и оружие — вот и весь план Б. Если план А не сработает, значит, я просто не успею допить вторую чашку.

Я смотрю на часы. 7:15. До встречи — почти девять часов. Я ещё успею перечитать нота-риальные бумаги, проверить все замки и даже полежать на диване, глядя в потолок. Потолок серый, с трещинами, похожими на карту города. Я знаю каждый переулок, каждый подворотню в этом районе. Я выбирал сквер не случайно — там много зелени, деревья, детские качели. Узкие проходы. Удобно для засад. Неудобно для того, кто тяжело ранен. Но я не думаю о ранах. Я думаю о том, что кофе кончается, а день только начинается.

Ставлю чашку на стол, рядом с разобранным Стечкиным. Пальцы сами собирают оружие — привычка, доведённая до автоматизма. Затвор щёлкает, магазин встаёт на место, глушитель накручивается до характерного лёгкого скрипа. Я проверяю обойму — шесть патронов. Шесть — хорошее число. Лёлику должно хватить одного, но я возьму шесть. На всякий случай. Потому что в нашем бизнесе «всякий случай» — это единственная константа.

Я снова поднимаю чашку, делаю последний глоток. Кофе остыл, но я всё равно чувствую его душистую горечь. Во рту остаётся терпкое послевкусие — как у жизни, когда знаешь, что она вот-вот оборвётся. Я не боюсь. Я научен надеждой и ясностью. Надеждой, что всё будет чисто. Ясностью, что чисто не будет.

Допиваю до дна. На доньшке — чёрная гуща. Я смотрю на неё, как смотрел бы на карту звёзд, если бы верил в астрологию. Но я не верю. Я верю только в то, что через девять часов я встречу с Лёликом в сквере, и кто-то из нас не выйдет оттуда. И это знание делает кофе особенно душистым.

Я встаю из-за стола, неся чашку к раковине. За окном — серое небо, начало осени. Листья ещё зелёные, но уже чувствуется запах увядания. Или это просто запах пороха, который пропитал мою одежду, мои волосы, мои сны. Я открываю кран, вода смывает пенку, и я смотрю, как остатки кофе утекают в трубу. Вместе с ними — последняя спокойная минута.

Завтра меня здесь не будет. Или я не буду здесь. Но сегодня я есть — и я пью свой душистый кофе. Это единственное, что я могу сделать прямо сейчас, пока мир снаружи ещё не взорвался выстрелами.

Я вытираю руки и поворачиваюсь к столу. Стечкин лежит готовый. Осталось только надеть куртку, проверить глушитель ещё раз и выйти за дверь.

И не забыть взять с собой надежду.

Она у меня есть. В отличие от плана Б.

Глава 2. След как у шакала

Я выхожу из кухни в комнату, где на журнальном столике лежит тонкая жёлтая папка. Без надписей, без грифов — только вытертые углы и запах дешёвой типографской бумаги. В ней — досье на Лёлика. Я собирал его три года, по кусочкам, по ниточкам, по слухам из камер и кабинетов. Там нет фотографий — Лёлик не любит свет, и у меня нет ни одного снимка, где он смотрит в объектив. Зато есть копии протоколов, вырезки из газет, показания выживших. И мои собственные записи, которые я вёл на обратной стороне старых квитанций.

Я сажусь на диван, расстёгиваю куртку, чтобы не мялась, и открываю папку. Первый лист — копия дела двадцатилетней давности. Городская больница №4, педиатрическое отделение. Жертва — женщина сорока трёх лет, Ирина Семёновна Вавилова, участковый врач. Причина смерти — механическая асфиксия. Орудие — стетоскоп. Свой собственный стетоскоп, который она носила на шее. Убийца — пациент, мальчик шести лет, по имени Лёлик. Задержан на месте, но не осуждён — невменяемость, возраст, детский дом. Дело закрыли, врача похоронили, а Лёлик исчез в системе, чтобы через год объявиться уже в другом регионе, с новой фамилией и старой тягой.

Я читаю эти строки и вижу палату. Белый кафель, запах хлорки, картотека у окна. Маленький Лёлик с русыми волосами и странным, недетским взглядом. Он сидит на кушетке, смотрит, как врач наклоняется над ним с трубкой стетоскопа, прижимает холодный металл к его груди. Мальчик молчит. Врач улыбается, говорит что-то ласковое, поворачивается к столу, чтобы записать диагноз. В этот момент Лёлик спрыгивает с кушетки, хватая висящий на её шее резиновый шланг, наматывает на кулак, как верёвку, и тянет. Тянет изо всех сил, хотя весит всего двадцать килограммов. Врач хрипит, пытается отцепить его пальцы, но Лёлик уже перекинул ногу через её спину и сел сверху, как наездник. Он не чувствует страха. Он чувствует тепло, которое разливается у него внутри, когда она перестаёт дёргаться. Он знает — это хорошее чувство. Лучше, чем сладкая каша или мультики.

Я закрываю глаза. Этот образ преследует меня даже в трезвом уме. Потому что я понимаю — Лёлик не стал другим. Он просто научился делать это красивее и быстрее.

Дальше в папке — вырезки. Детдом, где пропал воспитатель, его нашли в подвале с проломленным черепом. Лёлику девять. Заведение закрыли, детей распределили. Подросток Лёлик, уже с кличкой «Ссученный», появляется в криминальных хрониках как соучастник разбоев, но каждый раз уходит от ответственности — запуганные свидетели отказываются от показаний, улики пропадают, ментовские мокрухи списывают на «неизвестных». Он прибавлял накала, как говорят в наших кругах. Сначала врачи, потом случайные прохожие, потом конкуренты, потом заказчики, которые не захотели платить. Он вычитал и делил — не деньги, а жизни. Своих и чужих. Ему было всё равно. За ним не успеть, потому что он не оставлял времени на раздумья. Он действовал как нож, который сам режет, не спрашивая у руки.

Я перелистываю страницу. Там — мои заметки о последних двух годах. Лёлик вышел на крупную игру — торговлю живым товаром. Он не строил маршруты, не договаривался с пограничниками, он просто отбирал партии у других дилеров и перепродавал уже готовые цепочки. Кто-то сказал, что он работает на запад, кто-то — что на восток. Но я знаю точно: он работает только на себя. И теперь ему нужен я, потому что я — последний, кто перекрыл ему выход на большой канал. Мои люди, мои грузы, мои связи — он хочет всё это забрать, а меня

сделать примером. Торговля людьми — грязный бизнес, но в нём есть свои правила. Лёлик правил не признаёт. Он торгует мимо ментов, мимо авторитетов, мимо здравого смысла. И поэтому сученный Лёлик — это как раз про меня. Когда торгуешь людьми, много хуйни может случиться. Но когда рядом появляется Лёлик, хуйня становится неизбежной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.